

и следует больше оказывать помощи ближнему («сильную милость до всех присовокупите»). Автор «плачей», несомненно, хорошо знал Москву, подолгу жил в ней, поддерживал постоянные связи с москвичами. Отсюда довольно точные сведения, приводимые им о жертвах чумы: тысячи ежедневно умирающих, пять тысяч заброшенных, вымерших домов.

Скорее всего автором «плачей» был один из старообрядцев поморского согласия, временно проживавший в городе, может быть, выходец из Выго-Лексинского общежительства, где он мог обучиться писанию риторических сочинений и где именно такая литературная форма «плачей» была очень распространена в то время. Возможно, он был близок к только что организованному тогда старообрядческому Преображенскому кладбищу-заставе, так как называет «шелаша» (шалаша). Эти специальные шалаша в большом количестве были построены создателем кладбища Ильей Ковылиным для жителей, спасавшихся от «черной смерти». Весьма вероятно, что «плачи» были написаны где-нибудь на Выге, под непосредственным впечатлением от только что услышанного рассказа («ныне же слышу ушима действующийся тамо плачь и рыдание»). «Плачи» были написаны не в Москве и не очевидцем событий, автор говорит о себе: «Я вижу в тебе мысленнымя моима очима прежде невиданное»; в другом месте он пишет про Москву: «своими я глазами недавно видел в тоземственном пределе». Не случайно «плачи» и написаны поморским старообрядческим почерком и попали в старообрядческую Пижму. Не исключена возможность, что произведение попало на Пижму через посредство выговцев вместе с другой их литературной продукцией.

Идеология «плачей» сугубо религиозная. Эпидемия расценивается как наказание москвичей богом за грехи, гордыню, возношение, за увлечение славой и богатством. Она была неизбежна, потому что ее еще «святини отцы предвозвещали». В качестве основной меры борьбы с эпидемией предлагается самоусовершенствование в духе любви, милостыни ближнему, покорности и смирения перед богом. Надо целиком положиться на волю господню, предлагает москвичам автор. Этим «от смерти паче всех курительств» (окуривание смолой, применявшееся как дезинфицирующее средство) следует «обороняться». В духе церковных поучений выдержано высказывание о равенстве всех людей перед смертью.

Автор «плачей» на стороне тех, кто противился проведению предохранительных санитарных мер. Действия карантинных отрядов по уничтожению очагов заразы (отбирание зараженных трупов) он считает великим «командующих истязанием».

В то же время видны искренние страдания автора по поводу происходившего. Автор любит Москву и называет ее «прекраснейшей», «славнейшей», «пространнейшей», «священнейшей над всеми», «прекраснейшим градом» отечества, «матерью российских градов».

Стиль «Плачей» свидетельствует о начитанности автора в литературе, о знании им классических произведений; «плачи» интересны сочетанием старых форм и понятий с новыми. «Плачи» не лишены и художественных достоинств, и особенно второй, в котором Москва представлена в виде измученной страданиями, плачущей девицы на «градственном троне». Автор пытается показать настроение москвичей в дни чумы, представить общую картину страдающего города, дает интересные бытовые детали из жизни Москвы.

Публикуемый текст не является автографом; это список, возможно, не первый, о чем свидетельствуют описки, исправления и неправильные чтения.